Свой первый научный эксперимент я проводила в ванне. Со средством для мытья посуды и ножом. Кажется, с ванны все и началось — это была моя первая лаборатория и первая неудача. Происходило все очень давно, еще до рождения моего брата. Такое ощущение, что это было не со мной, а с кем-то другим, с какой-то маленькой девочкой, которая решила стать ученым, хотя ничегошеньки не знала.

На эту идею девочку навела реклама шампуня. Во всех роликах показывали одно и то же: женщина вставала под душ и взбивала пышную пену у себя на волосах. Мыла их, улыбалась,

ополаскивала, а затем они падали ей на плечи — блестящие, тяжелые и потрясающе фотогеничные. И девочка решила, что тоже сможет получить такой результат. Она вооружилась всем необходимым и пошла в ванную.

Набрала полванны и залезла в воду. Уже несколько месяцев она стягивала волосы в какое-то подобие скрученного хвостика, чтобы замаскировать три больших колтуна на голове. Что ж, сегодня их не станет. Она не знала, что эти колтуны — биом* грибков и бактерий. Она не знала про реакцию с расщепляющим агентом. Она вообще ничего не знала, даже как расчесать собственные волосы.

И вот, сидя в горячей воде, девочка выдавила полную горсть ярко-желтого средства для мытья посуды с лимонным запахом и щедро плеснула прямо на мокрую голову. В рекламе

---

* Совокупность различных видов и групп организмов и среды их обитания. Часто термин относится к крупным экосистемам определенной ландшафтно-географической зоны. *(Здесь и далее прим. ред.)*

говорилось, что мыло растворит весь жир, а ее волосы определенно были жирными. Она задумала проверить эту простейшую гипотезу опытным путем. Выдавила еще мыла и размазала по другой стороне головы. Затем отставила бутылочку в сторону и принялась за дело.

Голову покрыла шапка пены, пузырьки наползали на брови. Она представляла ту женщину из рекламы — терла волосы и улыбалась, терла и улыбалась. Пена попала в глаза, их нещадно щипало, слезы текли в три ручья, но она не хотела, как ребенок, реветь из-за такой ерунды. Девочка тщательно обработала голову и откинулась назад, чтобы все смыть.

Ее волосы не упали на плечи и не стали блестящими, тяжелыми и потрясающе фотогеничными. Мыло растворило всю грязь и жир, вода в ванне под бензиноподобным слоем радужных пузырьков была серой. Реакция расщепления прошла успешно. Ее курчавые волосы превратились в сухой веник, запутались еще больше, но, по крайней мере, стали чистыми. Глупенькая

маленькая девочка, она надеялась на большее. Результат эксперимента не оправдал ожиданий, однако провалом она его тоже не посчитала. Только отметила, что процесс трудоемкий и повторить такое будет нелегко.

Затем она взяла нож.

Кухонный нож с массивной ручкой вообще-то предназначался для разделки мяса. Он был очень острым, и девочка хотя бы догадывалась, что нельзя резать по направлению к себе. Ухватив первый здоровенный колтун за торчащие кончики, она глубоко вздохнула, крепко зажмурилась и вонзила нож в гущу спутанного кома, чтобы разрезать его на маленькие колтунчики. Раз за разом она упорно, от самого верха, вгрызалась в колтун ножом, стараясь дойти до кожи головы.

Научная работа закончилась. Начался физический труд. Первый колтун никак не поддавался. Она разрезала его на шесть частей с палец толщиной, руки болели: еще бы, целую вечность держать все это и кромсать. Глаза щипало. Нож продирал

путь в волосах с таким звуком, будто распиливал мясо. Но она не обращала на это внимания. Справилась с первым колтуном и принялась за второй. Разделав все, насколько хватило смелости, и каким-то образом умудрившись не порезаться, она отложила нож и взяла щетку для волос.

Попыталась расчесаться начиная с макушки, но даже ей стало понятно, что ничего не выйдет. Сменила тактику и начала с кончиков, пробираясь вверх по сантиметру. Большая часть того, что поддавалось расчесыванию, вырывалась и застревала в щетке. Что-то падало в воду. На голове мало что оставалось. Освободив несколько прядей, вытащила из щетки свалявшийся пучок волос — иначе пользоваться ею было уже невозможно. Положила на пол рядом с ванной. Было похоже на мокрые клочки кошачьей шерсти.

Хотелось все бросить. Руки устали. Вода в ванне остыла. Ужасно болели голова и шея. И она расплакалась, как младенец, — это оказалось так *трудно*! Если бы я могла сказать ей, что такова жизнь.

Жизнь трудная, сложная и беспорядочная. Жизнь — это и паразиты в твоем кишечнике, и замечательные ученые, которые научили горилл общаться на языке жестов. Жизнь — это мотыльки, которые пьют слезы, и вирус гриппа, и куча всего, что нельзя контролировать. Жизнь иногда предлагает нож, потому что от расчески, как и от всего остального, никакого толку, — жизнь всегда найдет выход. Я хочу сказать этой маленькой девочке то, что твержу себе сейчас постоянно: такова жизнь. Это бодрит и успокаивает. И напоминает, что сосредоточиться нужно на том, что я могу, а не на том, что не могу.

Такова жизнь. Впрочем, девочка уже это понимала. Ее не напугала тяжелая и неприятная работа, и она справилась. Казалось, прошла вечность — и вот на голове осталось несколько ужасных, изрезанных, всклокоченных курчавых прядей. Наконец получилось провести щеткой по всей длине волос. Они скрипели под рукой и были похожи на шерсть бездомной собаки. Но ей было все равно. Эксперимент состоялся.

Сидя с красными глазами в грязной холодной воде, маленькая дурочка медленно расчесывалась, слегка касаясь щеткой раскорябанной кожи на голове, и ей казалось, что волосы у нее мягкие и чистые, прямо как у принцессы.

Наверное, пусть немного порадуется. Дурочка и есть дурочка.

Она — это я. Все это — про меня. Я и не отрицаю. Просто с тех пор еще столько всего произошло.

Когда я экспериментировала в ванне с собственными волосами, ножом и средством для мытья посуды, я уже знала, что с моей мамой что-то не так. Или со мной. Или с нами. Но тогда я впервые поняла, что помощи мне ждать неоткуда. И еще я впервые была не объектом изучения, а как ученый провела настоящий научный опыт.

Тогда впервые я сделала все сама.

Трудно решить, с чего начать, но, думаю, именно с этого все и началось. Вам, наверное, хочется узнать про мое видео, об этом многие спрашивают. Некоторых интересует все по поводу

хештега #НайдитеЛейлу и что я с этого получила. Еще спрашивают, где сейчас мой брат.

Я спокойно отношусь и к тому видео, и ко всему, что было потом.

Что я с этого получила… сложно сказать.

И мой брат больше не со мной.

Понедельник, 6 ч. 45 мин.

Каждый день я надеюсь, что по дороге в школу запах от моей одежды выветрится и никто его не почувствует.

Я выхожу из дома рано и иду не спеша. На ходу читаю книгу. Раньше я врезалась во все подряд и дергалась, пересекая улицу, но в последнее время как-то приноровилась. У моего младшего брата занятия начинаются позже, так что я иду одна. Раньше я всегда шла прямо — по улице мимо пиццерии и магазинчика чудес, откуда меня выгоняют каждый раз, когда я захожу просто посмотреть. Когда мы освоились в этом городе,

я нашла окольный путь через парк. В ограде есть крошечный лаз, заросший с обеих сторон жимолостью. Вы бы вряд ли его заметили, но я нашла.

Я разглядела эти цветы, прежде чем прикоснуться. *Caprifoliaceae* — семейство жимолостных. Весьма распространены тут, в Южной Калифорнии. Неядовитые. Пчелы их любят. Иногда я срываю маленькие желтые цветочки, прокусываю зеленую чашечку под золотой сердцевинкой и высасываю сладкий нектар. Его много, и он пахнет духами. Однажды я попробовала им надушиться, втерла в кожу, но в итоге только стала липкой.

Четырнадцать — уже не тот возраст, чтобы быть липкой.

Мне придется идти домой с Кристи, которая живет примерно в восьми кварталах от нас. И еще с моим младшим братом. Домой он всегда возвращается со мной. Кристи Сандерсон — моя лучшая подруга. Бывает, она меня достает, но никогда не отказывает, если мне нужно попользоваться ее телефоном или ноутбуком. Она встает на мою сторону, когда другие меня задирают. Как

правило. Она читает мне свои стихи и показывает свои рисунки. У нас с ней симбиоз — это такие отношения между двумя организмами, когда оба получают то, что им нужно, — вроде рыбки-клоуна и актинии. Как и актиния, Кристи может ужалить, о чем на первый взгляд не догадаешься. Как рыбка-клоун, я лучше защищена, чем большинство мне подобных. Это работает.

Сегодня мне нравится гулять, потому что в парке туман. Синоптик, который рассказывает в новостях о погоде, называет его морским. Я слушаю прогноз по телевизору (потому что мой телефон — отстой) достаточно долго, чтобы выяснить, будет ли дождь и надо ли надевать старые туфли, а потом переобуваться в школе в те, что получше. Носки весь день остаются мокрыми, но, по крайней мере, никто об этом не знает.

Потом я переключаю на канал, по которому с пяти до семи утра показывают «Секретные материалы». Мне нравится смотреть, как доктор Скалли пытается объяснить невероятное, но всегда возвращается к тому, что может доказать. Это старый

сериал, но он очень классный. К тому же по телику показывают не так много женщин-ученых.

Если прийти в школу пораньше, то можно съесть бесплатный завтрак, его дают тем, кому полагается бесплатный обед. Хлеб намазывают маслом и ставят в духовку — тосты получаются горячими, золотистыми и с пузырьками наверху. Как глупо, что каждый раз я жду этого с таким нетерпением.

В столовой мокро, и мои туфли скользят. Левая подошва почти полностью обмотана скотчем. От сырости все равно не спасает, к тому же это *он и* скользит. Неудачный эксперимент, но ничего другого я не придумала. Я стараюсь держаться прямо и иду к окошку, через которое нам выдают тарелки. На этой неделе на раздаче стоят знакомые девочки. Когда нас начали кормить завтраками, то одновременно запустили рабочую программу, чтобы мы посменно знакомились со взрослой жизнью. С одной стороны, похоже, в этой жизни нас и дальше ждет такая же муть и окошки быстрого обслуживания.

С другой — в конце смены можно съесть сколько угодно оставшихся завтраков. Моя смена будет только через несколько дней.

Мне выдают что-то совершенно не похожее на яйца, фруктовый салат и мои самые любимые на свете чудесные треугольные цельнозерновые тосты с маслом. Посерединке тоста мягкий идеальный золотистый кружочек — там, где хлеб пропитался маслом в жаркой духовке. Я объедаю тост по кругу, начиная с коричневой корочки, и оставляю самое вкусное напоследок.

Я сажусь на одну из длинных скамеек у стены и снова открываю книгу. За завтраком гораздо тише, чем в обед, и народ еще слишком похож на зомби, чтобы меня подкалывать. Утром реально лучше.

Девчонки на противоположном конце стола громко демонстрируют свою тупость, и не обращать на них внимание практически невозможно. Я изо всех сил делаю вид, что читаю и ем, и пытаюсь не коситься на них. Вот бы мне большие наушники.

— Да-а, но я слышала, что, если брить внизу, волосы отрастают и становятся темнее.

— Это правда, серьезно. Когда я начала бриться, они стали темнее и даже толще, чем раньше.

— Чепуха какая. Когда тебе стригут волосы на голове, они же не темнеют.

Одна девчонка кивает с открытым ртом. Мне хочется врезать тем, у кого такое выражение лица. Я возвращаюсь к своей книге.

— Ну да-а. Когда я была маленькой, я была блондинкой, а теперь вон они какие каштановые. Все потому, что стригли. Если бы не трогали, до сих пор были бы светлые волосы, к тому же длиннее. И вообще, никто ведь не видит лобок на фото. Ты решаешь попробовать, но стоит начать — и все, потом приходится делать это постоянно.

Они стали гуглить эту тему, потом спорить с гуглом. Был бы в школе вайфай, я бы могла в прямом эфире постить эту дискуссию в твиттере. Хоть разок опубликовать чье-то позорище. Но мне не подключиться, а если записать и твитнуть позже с компа, будет уже не то.

Наконец они встают и уходят, не удосужившись убрать за собой. Я жду.

Как только дверь за ними закрывается, я утаскиваю с их подноса тост.

13 ч. 45 мин.

— Не понимаю, почему мне нельзя остаться у тебя. У меня ты была тысячу раз. А я даже ни разу не видела твою маму. Только твоего тупого братца-вонючку.

Кристи снова делает особое лицо перед зеркалом. Чтобы губы казались больше, а щеки меньше. Несколько минут потренируется — и очередное селфи готово.

Я видела это уже много раз, и меня это не колышет. А еще знаю, что мое мнение не в счет. Что бы я ни сказала, она поступит по-своему: или сохранит фотку, или удалит, если решит, что выглядит толстой или что веснушки слишком яркие и фильтры не помогут.

Настоящая проблема — то, что она назвала Энди вонючкой. Это абсолютная правда, но мне

нужно знать, какую именно вонь она имеет в виду. То, как воняет маленький мальчик, который не моется, или что-то другое? Мы живем в одном доме, в одной комнате и обычно спим в одной кровати, потому что ему снятся кошмары и я не могу его прогнать. Вопрос, избавляет ли меня от запаха утренняя прогулка.

Я слишком долго не отвечаю.

— Мы, получается, даже не настоящие друзья. Если бы мы были друзьями, тебе бы хотелось пригласить меня и показать свою комнату. Мы могли бы полуночничать и смотреть старые фильмы, которые тебе так нравятся. Те, о которых ты все время пытаешься мне рассказать.

То есть те, которые она считает отстоем и над которыми смеется. Да уж, заманчиво.

— Кристи, прости. Моя мама не разрешает никого приглашать. Она просто… это не выносит. Не знаю почему. Понимаешь?

Кристи опять делает особое лицо и фотографируется. Вспышка освещает комнату и превращает ее в привидение с рыжими волосами.

На минуту у меня перед глазами появляется зеленое пятно, и я моргаю. В длинном гулком женском туалете я тоже как привидение. Волосы стянуты в тугой хвост. Никакого макияжа. Я всем говорю, что у меня аллергия. Лучше так, чем признаться, что у меня нет косметики и я даже не умею ею пользоваться. По оббитой нижней кромке зеркала, как поцелуи, следы губной помады, но моих там нет. Мне бы хотелось вырастить колонию бактерий, взятых с этой кромки, и показать им, *что* они целуют. Будь у меня несколько чашек с агаром, я бы это сделала. Но на уроках мы еще не проводили такие опыты.

Если Кристи одолжит свой телефон, я смогу зайти в инстаграм и запостить фотографию, объясняющую этот эксперимент, раз вживую мне его не провести. Но сейчас, похоже, не лучший момент просить ее.

— Черт. Нет, не понимаю.

Она выключает вспышку и снова позирует. Знаю, что ее взбесят морщинки на лбу, но ничего не говорю.

— Это нечестно. Это и твой дом тоже. Почему она такая? А друзьям твоего брата можно к вам приходить?

Щелчок затвора — и снова жмет «удалить».

— Нет, никому нельзя.

— А друзьям твоей мамы?

Я ни разу не встречала ни одного маминого друга или подруги. Я размышляю о вероятности того, есть ли у нее где-нибудь друзья.

— Нет, даже им нельзя.

— Бредятина какая-то.

— Прости.

Наконец у нее получается фото, которое ее устраивает, и мы выходим из туалета. В коридоре — никого.

— Черт, мы опоздали.

Я не бросаюсь бежать:

— Я не слышала последнего звонка.

Кристи закидывает рюкзак на плечи:

— Ладно, увидимся позже.

И убегает. Рюкзак болтается, как будто в нем совершенно пусто. Я разворачиваюсь и иду

в другую сторону. Мой урок сегодня проходит не в главном здании, а в мобильном классе.

Это я прозевала последний звонок; позже Кристи напишет, что все из-за меня. Такова жизнь.

15 ч. 45 мин.

— Я хочу в бассейн. — Он опять скулит. Он вечно скулит, когда ему чего-то хочется.

— А я не хочу в бассейн. И раз за тобой там некому присмотреть, значит, ты не идешь.

Кристи шагает чуть впереди. Она широко зевает каждый раз, когда Энди что-то говорит.

— Ну разулечку!

— Что? — Я смотрю на него сверху вниз и вижу, как он старается меня уломать.

Вокруг рта все измазано соком, прямо как у младенца. Он перестает хмуриться:

— Разулечку, ну разулечку.

Он шепелявит, и это звучит еще ужаснее, чем можно представить. *И повторять почаще — это поможет. Класс.* Дети до того глупые, не понимаю, зачем они всем.

— Наверное, ты хочешь сказать: «Ну разочек». Но все равно — нет. Потому что я все время туда хожу с тобой, и это уже не разочек. Ты не мог бы не доставать меня, а? Пожалуйста?

Ему всего шесть. Ненавижу его разочаровывать. Я знаю, что дома ему скучно. Но опять вытаскивать его, орущего, из бассейна после наступления темноты — ну уж нет.

В прошлый раз я не могла заставить его уйти до девяти вечера, даже чуть позже. Вода была теплая, но ночной воздух уже холодный. Полотенец не было. Причин идти домой тоже. В конце концов я просто вылезла сама и, дрожа от холода, сказала, что ухожу без него. Догнал меня через несколько минут, в слезах.

Снова нахмурился:

— Ты злая. Ты злая и ни о ком не думаешь, кроме себя.

— Говори что хочешь, Энди.

Я ускорила шаг и догнала Кристи:

— Так что ты делаешь сегодня вечером?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru